

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение практически всей второй половины XX столетия ученые-социологи, к моему превеликому сожалению, так и не смогли найти ответы на ряд ключевых вопросов, касающихся фундаментальных проблем современного общества. Исходя из принципов послевоенного мироустройства, сложившегося между великими державами Европы и Соединенными Штатами Америки, они свели идеологические разногласия к противостоянию двух доминирующих философских систем — капитализма и социализма — и благополучно распределили реальность между различными академическими дисциплинами. На Западе экономика досталась экономистам, внутренняя политика — политологам, история — историкам, международные отношения — новой, пока еще не имеющей названия профессии, а оставшиеся внутренние социальные институты остались в ведении социологов.

Все эти области знаний находились под влиянием идеологий, начиная от либерального капитализма и заканчивая социал-демократией и марксистским социализмом. К несчастью, обе эти составляющие лишь усугубляли все самые пагубные пороки друг друга. На первый взгляд, дисциплины сохраняли свою обособленность, но на самом деле они были глубоко взаимосвязаны. В рамках каждой господствующей идеологии были разработаны теории, которые казались удивительно миролюбивыми, зачастую сосредоточенными на экономических вопросах и в некотором смысле даже отрицающими необходимость государства.

Разумеется, в реальном мире структуры идеологической, экономической, военной, политической и геополитической власти находятся в постоянном взаимодействии, которое

постоянно меняет природу каждой из них. (Если предложенная мной классификация не вполне соответствует вашему видению реальности, подставьте свою собственную схему — и вы придете к тому же выводу.) Тем не менее большинство экономистов изучают «экономику» как нечто обособленное, обладающее собственными законами и динамикой. Такой подход также характерен для всех марксистов, теоретиков индустриального и постиндустриального общества и иных представителей многообразных форм экономического детерминизма и материализма, столь распространенных в развитых обществах.

До недавнего времени большинство политологов и политических социологов изучали политику как исключительно внутреннюю дисциплину, не связанную с геополитическими отношениями между государствами. Несмотря на существование огромного количества теорий государства, эти теоретики, похоже, не осознают, что слово «*государства*» употребляется во множественном числе. На самом деле большинство социологов, независимо от области их исследований, разработали собственные теории, не имеющие никакого отношения к государственности. Их ключевая концепция «общества» — это взаимозаменяемый опыт конкретной современной страны или некой более крупной системы, такой как «капитализм» или «индустриальное общество».

Однако существует одна область, в которой разнообразие государств все-таки было признано, — это набор обособленных дисциплин, известных как «сравнительная социология», «сравнительная политика» и так далее. Но даже в этих дисциплинах каждое государство/страна рассматривается как отдельный, уникальный случай, отличный от всех остальных независимых случаев, а не как взаимодействующий и взаимопроницающий субъект власти.

Из всего вышесказанного автоматически вытекает последний недостаток — пацифизм: без взаимодействия субъектов не

будет ни современных войн, ни милитаризма, которые можно было бы изучать. Без геополитики военная социология свелась бы к исследованию внутренних институтов вооруженных сил: «Мы выиграли эту войну и не хотим новой. Давайте сосредоточимся на других вопросах».

Я позволил себе некоторое преувеличение в единственном аспекте, поскольку размышления о подобных вопросах все же велись в рамках еще одной дисциплины — международных отношений. С появлением ядерного оружия перед специалистами в этой области поставили сложнейшую задачу — «осмыслить невообразимое», планируя ядерную геополитику, чтобы избежать этого «невообразимого». Разумеется, возникла своеобразная идеологическая шизофрения: прагматичные консервативные стратегии противостояли либеральным/социалистическим сторонникам разоружения. При этом первые доминировали там, где власть находилась в определенных руках.

Однако международным отношениям пришлось столкнуться с еще одной фундаментальной проблемой — массовой послевоенной интернационализацией экономики. Это был крайне сложный процесс, поскольку можно утверждать, что данный период ознаменовался укреплением всех трех типов экономики и классовых отношений (я выделил это в главе 5) — национальной, интернациональной (отношения между национальными экономиками и классами) и транснациональной (отношения, свободно преодолевающие государственные границы). Их тесная взаимосвязь служит ярким примером того, как военные, политические и геополитические структуры власти оказывают влияние на экономику и формируют ее (и наоборот). По тому, как специалисты по международным отношениям справляются с этими сложнейшими задачами, можно судить о состоянии социальных наук в целом.

К сожалению, до сих пор не существует единого мнения о том, какая парадигма международных отношений явля-

ется доминирующей. Теория международных отношений опирается на две основные традиции — «реализм» и «взаимозависимость». Реализм представляет собой классическую *геополитику*: глобальное пространство определяется столкновением интересов государств. Взаимозависимость, наоборот, подчеркивает экономически обусловленное переплетение интересов, преодолевающее государственные границы и способствующее более гармоничному, хотя и усложненному миру.

Взаимозависимость — это всего лишь разновидность экономоцентричной, мироориентированной парадигмы, тогда как реализм воплощает противоположные изъяны. Очевидно, что международная арена представляет собой некое сочетание обоих этих (а также иных) феноменов, и каждый из них оказывает существенное влияние на внутреннюю структуру общества, государства и экономики. Между тем до сих пор никто не отважился осуществить их интеграцию. Нам необходима новая, междисциплинарная, комплексная теория современных обществ, которая не игнорировала бы государства и конфликты, однако специалисты по международным отношениям оказывают нам весьма ограниченную помощь в этом вопросе.

Я не могу утверждать, что представленные здесь очерки претендуют на создание всеобъемлющей теории. Однако я убежден, что наибольшим потенциалом для ее разработки обладают социологи, которые опираются на классическую традицию широкомасштабной теории макросоциального развития. Последние несколько лет я активно участвовал в осуществлении этого замысла вместе со своими коллегами-социологами.

Моя работа «Источники социальной власти», том I, «История власти от начала до 1760 года» (Cambridge: Cambridge University Press, 1986) представляет собой попытку исторического описания взаимоотношений между идеологической, экономической, военной и политической властью в аграрных

обществах¹. Во втором томе я продолжу это повествование вплоть до наших дней.

В этой книге собраны эссе, которые можно рассматривать как дополнение к двум основным томам. Они, как правило, отличаются более синтетическим и теоретическим подходом, фокусируясь на трех из четырех источников власти (идеологию мы пока не рассматриваем). Основная тема исследования — сложные взаимосвязи между государством (преимущественно современными государствами), милитаризмом и войнами, а также экономикой (в первую очередь капиталистическими системами и классовыми отношениями). Главная идея этой книги заключается в том, чтобы показать, что для создания всеобъемлющей теории любого из этих трех элементов власти необходимо рассматривать их в совокупности.

Все эссе были написаны в течение десяти лет, с 1976 по 1986 год, и потому в них заметен отпечаток развития, а иногда и изменения моих идей. Они представлены приблизительно в том же порядке, в котором были написаны, хотя наиболее общее и относительно недавнее эссе представлено первым. Упоминания актуальных на тот момент событий и мировых лидеров также указывают на время их создания — я не стремился «осовременить» эти отсылки. Позвольте теперь прокомментировать каждое эссе в отдельности и пояснить, как они все взаимосвязаны, а в некоторых случаях — чем они отличаются друг от друга.

Открывающая сборник публикация «Автономная власть государства» была написана в 1982–1983 годах. Она имеет, пожалуй, несколько обобщающее название, поскольку в основном посвящена внутренней природе государств и специфике их автономии от гражданских обществ, особенно от

¹ В моей концепции геополитика не рассматривается как пятый источник социальной власти, а представляет собой внешнюю политику, которая нередко опирается на военную силу.

социальных классов. В ней утверждается, что государства по своей сути являются централизованными и территориальными образованиями, а их автономная власть вытекает из этих двух характеристик. Хотя некоторые связанные с этим вопросы рассматриваются в части 5, возможно, данную часть стоит дополнить еще одним очерком (который пока не написан) о геополитической роли и автономии государства.

Второе эссе под названием «Государства древние и современные» — самая ранняя из моих работ, написанная в середине 1970-х годов, когда многие из нас были увлечены идеями структурного марксизма. Я всегда выступал с критикой этого подхода, хотя, признаюсь честно, не всегда был полностью к нему равнодушен. Я никогда не разделял мнение о том, что способы экономического производства и классовая борьба могут, по выражению Энгельса, в «последней инстанции» интегрировать или разрушать целые общества.

В этом эссе я развиваю старую дихотомию Герберта Спенсера между «военизированными» и «индустриальными» обществами. В нем я доказываю, что древние империи, основанные на господстве (в качестве примеров рассматриваются Рим и Китай), были объединены главным образом благодаря своим милитаристским государствам, а не экономике и классовым структурам.

В первом томе моей книги «Источники социальной власти» я подробно рассматриваю Месопотамию и Рим, чтобы подтвердить эту точку зрения на древние империи. Здесь я противопоставляю империи господства современным промышленным капиталистическим государствам и экономикам. В этих системах способ производства содействует гораздо более широкому объединению, особенно социальных классов. Однако на последних страницах, предвосхищая мои более поздние работы, я утверждаю, что общая интеграция на современном Западе обеспечивается не только капитализмом

и классами, но и их взаимодействием с национальными государствами.

Третье эссе, «Государство и общество, 1130–1815» — единственное из всех частей книги, которое в значительной степени перекликается с «Источниками социальной власти». Оно представляет собой полный временной ряд данных об английском государстве, который можно найти в главах 12 и 13 тома I. Здесь прослеживается преобладание внешней военной роли государства на протяжении Средневековья и раннего Нового времени, измеряемое через то, на что расходовались его средства.

Во втором томе «Источников социальной власти» отмечается, что такая тенденция сохранялась вплоть до конца XIX века. Лишь в 1881 году Британская империя (возможно, впервые в мировой истории) направила больше ресурсов на внутренние гражданские нужды, чем на оборону и военную агрессию. Однако это не стало постоянной практикой вплоть до окончания Первой и Второй мировых войн.

Как социолог, предпочитающий опираться на эмпирические данные, а не на абстрактные концепции, я отношусь к этому доказательству с особой симпатией. Эти простые статистические данные опровергают все редукционистские теории государства, от марксизма до плюрализма, которые сводят функции государства исключительно к экономическим и бытовым.

Четвертое эссе представляет собой своеобразную полемику вокруг утверждений о том, что капитализм был либо особенно миролюбивым, либо, напротив, особенно воинственным, если рассматривать его в контексте мировой истории. В части под названием «Капитализм и милитаризм» речь идет о том, что, хотя индустриальный капитализм и произвел революцию в средствах производства и организации войны, он не привнес значительных изменений в милитаристский импульс, который в основном был обусловлен геополитическими

отношениями, остававшимися неизменными с момента появления капитализма.

Это эссе было написано в 1981 году, когда автор, возможно, находился под слишком сильным влиянием реалистической концепции геополитики. Сейчас я бы не стал так однозначно сводить войну исключительно к «играм, в которые играют нации», хотя конфликты между государствами, выраженные через действия «государственных деятелей», безусловно должны оставаться существенной частью объяснения. Это сочинение следует рассматривать в контексте следующей части — моей работы «Война и социальная теория», в которой дается более обстоятельный анализ современной войны.

Пятое эссе, написанное в 1985 году, является, пожалуй, ключевым, в котором в контексте современной войны исследуется тесная взаимосвязь между классами, нациями и государственными элитами. Я убежден, что все три типа действующих игроков внесли свой вклад в то, что двадцатый век стал таким опасным. В этом эссе, равно как и в следующей части, я предлагаю нормативные рекомендации о том, что можно сделать для укрепления безопасности во всем мире.

В шестом эссе под названием «Истоки и противоречия современного милитаризма» я пытаюсь разобраться в мотивах, лежащих в основе современных военных конфликтов — от ядерного противостояния до Фолклендской кампании (на момент написания данной работы). Современная война состоит из трех фаз — это периоды ограниченной, гражданской и ядерной войны. В ядерную эпоху милитаризм претерпел серьезные изменения, трансформировавшись из отдельных принципов ограниченной войны в то, что я называю «милитаризм теории сдерживания». Он присущ государственным деятелям. С другой стороны, участие рядовых граждан в войне превратилось в милитаризм спортивных зрителей, доступный для всех слоев населения.